Советская Эстония
Таллин

СОВЕТСКАЯ ЭСТОНИЯ 27 февраля 1968 г. № 48 (7402)

ЧЕЛОВЕК И ПРОФЕССИЯ

Читайте четвертую страницу

Всякий ли, сев в театральное кресло, читает последнюю, четвертую страницу программки, где обозначены фамилии декоратора, портного, гримера или неведомого инспектора сцены? Будем откровенны: зрителей в основном интересует кто поставил и оформил спектакль, кто из актеров занят в нем.

А вы все-таки читайте и четвертую страницу программки. Постарайтесь запомнить напечатанные там имена. Потому что все эти люди вносят свой вклад в спектакль, делают многое для того, чтобы стал он ярче, весомей, убедительней. Нет театра без режиссера и актера, но нет его и без инспектора сцены, и без работника, ведающего реквизитом.

...В Таллинском русском драматическом театре готовились к премьере «Четырех крестов на солнце». В списке необходимого реквизита значился и «путевой шоферский лист». В скобках оговаривалось: лист бумаги такого-то формата. Но на генеральной репетиции актеру вручили не просто лист бумаги, а подлинный путевой шоферский лист.

Знатоки современного театра улыбнутся, наверное. Скажут: «Какое это имеет значение нынче, когда внешней достоверности придается все меньше и меньше значения?».

Не будем спорить о том, нужен или не нужен был в спектакле совсем настоящий шоферский лист.

Но даже при условии абсолютной бесполезности листа, как такового, сам факт его появления сделал свое дело. Он вызвал добрую улыбку актеров, заставил их снова (в который уж раз) повторить:

— Нашей Аде Ивановне равных нет!

Ведь надо же: к каждому спектаклю «Традиционный сбор» умудряется она добывать живые цветы (хотя опять-таки никто этого не требует, вполне бы можно было обойтись искусственными).

Ну, ладно, в Таллине достать живые цветы не проблема. Но театр показывается зрителю не только на стационаре. Вот снова мчит по шоссе небольшой синий автобус. Пока он приедет в Пярну, там уже закроют магазины. Аде Ивановне это известно. Всю дорогу она держит в руках, как драгоценность, стакан с букетом живых цветов. И, передавая их выходящему на сцену, Ада Ивановна непременно улыбнется. Улыбка эта не значится в списке реквизита. Но как она подчас нужна актеру! Как помогает ему в творческой работе уверенность, что все необходимое будет под рукой, что Ада Ивановна никогда не подведет.

А однажды реквизит забыли. Тула, гастроли, спешка. Театральный грузовик укатил на выездную площадку без одного ящика. Именно без того, что с надписью «реквизит». Надо было видеть в это время Аду Ивановну. Какое горе (да горе!) выражало ее лицо. Все, кто был рядом, утешали.

— Ведь не вы с этом виноваты, Ада Ивановна.

— Разве важно сейчас, кто виноват, — сердилась реквизитор. — Ящик здесь, а спектакль там...

И ничто не могло утешить Аду Ивановну до тех пор, пока на добытой где-то машине ящик не умчался вдогонку за уехавшими актерами.

...За дверью с надписью «реквизиторский цех» до самого потолка — стеллажи. Будто в библиотеке. Есть и книги. Но главное здесь не это. Реквизит театра — собрание бесчисленных атрибутов столетий и мод. Каждая вещь должна выглядеть новенькой. В реквизиторском цехе — полный порядок. Создан он ежедневной заботой Ады Ивановны Иогансон.

Я постучался сюда перед спектаклем «Варшавская мелодия». И увидел: Ада Ивановна наливает в красивую винную бутылку... чай. Впрочем, зрителю, конечно, и не приходит в голову, что на сцене пьют настоящее вино.

— Зачем же из пустого в порожнее? — спрашиваю, увидев, что Ада Ивановна, посмотрев бутылку на свет, снова вылила чай в графин.

— А там оказались две чаинки, — очень серьезно об'ясняет она.

— Ну и что?

—А если артисту в горло попадет чаинка?

И Ада Ивановна начинает искать в своем театральном шкафу-буфете самое тонкое ситечко.

Скажете, работа такая? Нет, не в должности дело. А в отношении к ней, к театру, к искусству, где, по твердому убеждению Ады Ивановны, не бывает мелочей. Все, что имеет отношение к сцене, не делится у Ады Ивановны на категории «важное» и «неважное». Это она поняла очень давно, еще в ту пору, когда сама была актрисой. Балериной. И эти свои убеждения пронесла она через все годы служения искусству.

М. БУШ.

— Этому самовару больше ста лет, — говорит Ада Ивановна Иогансон. — Двадцать из них он «играет» в нашем театре. И, говорят, хорошо. Хотите попробовать театрального чая?

— Очень вкусно, — сказал фотокорреспондент Д. Пранц. И в благодарность сделал этот снимок.